

Капитан Лебедкин уставился на таблицу, которую составлял уже третий день. Что-то здесь было не так... определенно, не так... не могут эти убийства быть случайными... не иначе как это серия...

У капитана Лебедкина была мечта — обнаружить и задержать серийного убийцу. Но до сих пор все его попытки не приводили ни к чему хорошему. То есть, конечно, были и удачи¹.

Но почему-то про то, как удачно раскрыл он те дела, начальство предпочитало быстро забыть, а вот за его косяки — нагреть по полной.

У капитана мелькнула свежая мысль, но в это время зазвонил телефон.

Лебедкин снял трубку и проговорил мрачным, недовольным голосом:

— Лебедкин!

¹ Читайте об этом в книгах Н. Александровой «Перстень Иоанна Грозного» и «Камея римской куртизанки» (Издательство «ЭКМО»).

— Ты чего такой мрачный? — раздался в трубке голос дежурного по отделению Коли Еропкина.

— А чему тут радоваться? — Лебедкин оглядел свой кабинет, точнее маленькую, тесную комнатку, которую он делил со своей напарницей Дусей Самохваловой.

Впрочем, как раз Дуся была предметом зависти всех сотрудников и коллег Лебедкина. Но об этом позже. Тем более что в данный момент Дуся отсутствовала, что тоже не прибавляло оптимизма.

За единственным окном кабинета виднелась какая-то демисезонная хмарь и морось, которая в нашем городе длится девять месяцев из двенадцати — то ли поздняя осень, то ли ранняя весна, в общем, что-то тоскливое и слякотное.

— Ты чего звонишь-то? — недовольно осведомился Лебедкин. — Скучно тебе? Кофе кончился? Так не дам, иди в автомат! Потому что в прошлый раз у Дуси полкоробки конфет сожрал, а она их для Софьи Павловны в подарок приготовила! И мне же еще попало!

— Ага, скучно! — фыркнул Еропкин, который обладал отличным качеством — не слышать то, что ему неприятно. — Сейчас ты также заскучаешь! Сейчас к тебе мужик один придет. С заявлением. Меня он уже достал, теперь твоя очередь. Выслушай его и по возможности вежливо отфутболь.

— Чего это вдруг я? — проворчал Лебедкин. — Ты с ним начал, ты и отфутболь!

— А мне начальник другое дело поручил. А этого мужика велел к тебе отправить.

— Почему ко мне?

— Потому что! Ты что, нашего начальника не знаешь?

Начальник отделения у них был новый, и Лебедкин в глубине души считал его не человеком, а андроидом. Понять его умом было невозможно, оставалось только беспрекословно подчиняться. Но Еропкин, хитрый змей, уже верно подвел начальника как-то к мысли, чтобы мутное дело передать ему, Лебедкину. Ох, дождется он!..

— В общем, я тебя предупредил! — торопливо проговорил Еропкин и повесил трубку.

И как раз в это время в дверь кабинета постучали.

— Войдите! — мрачно проговорил Лебедкин.

Дверь открылась.

В свое время Дуся научила Лебедкина определять посетителя, еще не видя человека, только по тому, как он открывает дверь. Это очень полезно, можно заранее подготовиться.

Если рывком тянет на себя, собираясь оторвать ручку — стало быть, посетитель крайне зол, накрутил себя, будет ругаться и предъявлять претензии на отвратительную работу полиции. И раз все знают, что обычный человек так себя вести поостережется, значит, прибывший — человек непростой, со связями, или он таковым себя считает.

С таким нужно держаться ровно, говорить подчеркнуто спокойным тоном, не поддаваться на провокации, он пошумит-пошумит да и успокоится, тогда нормальный пойдет разговор, после которого он жаловаться не побежит.

Если же после стука и разрешения войти проходит какое-то время, да еще слышно, как посетитель топчется в нерешительности, — значит, робеет, боится и, хоть не считает себя в чем-то виноватым, по привычке ожидает неприятностей.

С таким человеком следует говорить более приветливо, дать время успокоиться, а не орать, чтобы быстро излагал дело, потому что у Лебедкина времени нет, сплошной завал и так далее.

Если же дверь открывается сразу после стука, там, за дверью, не ждут разрешения, то это говорит о том, что посетитель столько таскался уже по кабинетам, что потерял всяческую надежду, ему стало все равно, и не боится он или она ничего. Такого посетителя следует подбодрить, говорить с ним участливо, но ни в коем случае не давать надежды, пока не разберешься в деле.

Капитан Лебедкин Дусю, конечно, слушал. И пытался выполнять ее указы, но не всегда получалось. Вот так и сейчас: он отвлекся и не успел определить, как открылась дверь.

Лебедкин увидел посетителя, и у него немедленно заболели зубы.

У некоторых людей болят суставы к дождю или к грозе. У Пети Лебедкина зубы болели перед неприятностями.

Вот и сейчас он понял, что с этим посетителем его ждут большие неприятности.

Перед ним стоял мужчина неопределенного возраста, ему можно было дать как тридцать с гаком, так и без малого пятьдесят. У него были жидкие

волосы такого же неопределенного цвета, заметно поредевшие на макушке и зачесанные с боков, бледное лицо из тех, которые прежде называли худосочными, и блеклые, глубоко посаженные глаза с каким-то странным, болезненно-обидчивым выражением.

И в этих глазах, и в этом худосочном лице, и даже в зачесанных на лысину волосах Лебедкин почувствовал предвестие грядущих неприятностей.

— Это вы — капитан Лебядкин? — осведомился посетитель гнусавым обидчивым голосом.

— Лебедкин, — поправил его капитан, поморщившись. Ему не нравилось, когда перевирали его фамилию. Особенно не нравилось, когда называли его Лебядкиным — было в этом что-то особенно обидное, хотя капитан не знал, что именно.

— Это не важно...

— Кому как. Я предпочитаю, когда меня называют правильно. Моя фамилия Лебедкин. А вы кто?

— Херувимский Аркадий Викторович! — сообщил посетитель с непонятной и, опять же, обидчивой гордостью.

— Садитесь, Аркадий Викторович! — Лебедкин показал ему на единственный свободный стул.

Посетитель опасливо взглянул на этот стул, словно не знал, можно ли доверить ему важную часть своего тела, затем протер сиденье носовым платком и осторожно сел.

— Я вас слушаю, Аркадий Викторович!

— Меня ограбили, — сообщил тот, перегнувшись через стол и доверительно понизив голос.

— На улице?

— Почему на улице? На улице я не ношу с собой материальных ценностей!

Вдруг он привстал и выкрикнул неожиданно громко:

— Не думайте, что вам удастся от меня отделаться! У меня есть связи, такие связи, что вам не поздоровится!

Зубы у Лебедкина заболели еще сильнее, однако он взял себя в руки, вспомнив Дусины наказания.

— Пойдите, Аркадий Викторович, — самым спокойным голосом проговорил он, откинувшись на спинку стула. — Я не собирался от вас отделываться, и не нужно пугать меня вашими связями...

— Я вас не пугаю, я вас чистосердечно предупреждаю. А что вы хотите от меня отделаться... это я уже понял по тому, как работали ваши коллеги, которых я вызвал на прошлой неделе! И по сегодняшнему разговору с вашим коллегой! И по вашему собственному выражению лица! А это, между прочим, ваш священный долг и ваша прямая обязанность — расследовать ограбление!

— Чтобы что-то расследовать, я должен для начала знать, что произошло. А вы, вместо того чтобы рассказать мне об этом, пытаетесь меня запугать. Так вот, это ни к чему...

Лебедкин прижал кулак к щеке и поморщился.

— Вот-вот, я вижу ваше отношение!

— Да нет никакого отношения! Зубы у меня болят — ясно? Итак, что у вас произошло?

Посетитель немного снизил обороты и снова заговорил:

— У меня из квартиры похитили ценные вещи. Деньги и другие ценности. Денег, правда, не очень много, но одна вещь чрезвычайно ценная, она имеет большое историческое значение...

Зубы у Лебедкина так заболели, что он застонал.

Посетитель взглянул на него подозрительно.

— Что вы стонете? Это действительно большая художественная и историческая ценность!

Ужас какой, вздохнул Лебедкин. И Дуси, как назло, нет. Вот что теперь делать?

Дуся Самохвалова была напарницей Лебедкина. Работали вместе они уже давно, сидели в этой самой комнатухе, которую назвать кабинетом никто не отважился бы по причине тесноты. Едва умещались там два обычных канцелярских стола и Дусин стул, сделанный на заказ. Потому что Дуся была девушка, как бы сказать, габаритная. Но это ее не то чтобы не портило, а только украшало.

У Дуси всего было много, и это все было отличного качества: синие глаза, большие и круглые, как блюдца, волосы от природы вились буйно, да были еще дивного рыже-каштанового оттенка, губы пухлые без всякого геля, широкая улыбка, так что видны были белые зубы, румянец во всю щеку, чудная гладкая кожа...

В общем, сама Дуся называла себя «сто килограммов женской красоты», при этом преувеличивала едва ли килограммов на пять-шесть. При этом исходила от Дуси такая жизненная энергия — впо-

ру небольшую электростанцию к ней подключать. Экологически, между прочим, чистую, никаких вредных выбросов в атмосферу.

Мужчины, ясное дело, реагировали на Дусю одинаково: при первом знакомстве каждый застывал на месте, вылупив глаза, а дальше все зависело от возраста и крепости организма. Некоторые приходили в себя довольно быстро, необстрелянных же новичков коллеги из жалости предупреждали, завед в конце коридора мощную фигуру Дуси: соберись, мол, что сейчас будет...

Кроме всего прочего Дуся была неглупа, рассудительна и работоспособна, имела хороший, ровный характер, вид у нее всегда был приветливый, голос звучный.

В общем, коллеги по отделению капитану Лебедкину открыто завидовали. Была даже пара-тройка случаев, когда пытались Дусю от Лебедкина смазать, но ничего не вышло.

Как уже говорилось, мужчины Дусей откровенно восхищались, и женщины, как ни странно, тоже относились к ней хорошо. Потому что Дуся со всеми была приветлива, терпеть не могла сплетен и никогда не отбивала чужих мужиков.

Словом, Дуся умела ладить со всеми — и с коллегами по работе, и со свидетелями. Тут ей просто не было равных. Люди рассказывали Дусе все, причем вспоминали такие подробности, о каких и сами не ведали. Никакого гипноза не надо!

И вот как бы пригодилась сейчас Дуся в разговоре с этим потерпевшим, который достал уже

капитана Лебедкина до самых печенок! А ее нет. Ушла по какому-то мелкому делу.

Магазин, что в доме напротив метро, ограбили. Да не то чтобы ограбили, а не то дверь вскрыли, не то окно разбили, вот сосед, что рядом магазин арендует, полицию и вызвал. Еще, говорит, на меня подумают, а я вообще не при делах! Ну, ребята, что на вызов ездили, зафиксировали все, составили протокол, так что волей-неволей пришлось дело открывать. Вот Дуся и вызвалась пойти на разведку, может, удастся хозяина уговорить заявление забрать.

Заодно, говорит, пообедаю хоть нормально, ее Софья Павловна, секретарь начальника, пригласила, у нее день рождения. Дуся с Софьей с некоторых пор в отличных отношениях. Впрочем, Дуся, как уже сказано, со всеми дружит.

Лебедкин отбросил неуместные мысли, взял себя в руки и попытался продолжить:

— Значит, это квартирная кража? У вас ограбили квартиру? Когда это случилось?

Посетитель на мгновение задумался, затем сообщил:

— Обнаружил я кражу пять дней назад...

— Обнаружили? То есть кража произошла пять дней назад? — Лебедкин начал что-то торопливо писать в своем блокноте, но Херувимский остановил его:

— Говорю же вам — я ее пять дней назад обнаружил! И ваших людей вызывал, но они не прида-

ли значения и ничего не стали делать! Посчитали, что это слишком мелко и только портит вашу статистику...

— Вот про это не надо, — Лебедкин поморщился от зубной боли, — давайте лучше по существу. Уточните, значит, кража могла произойти раньше, но вы ее не заметили?

— Могла, — признал Херувимский.

— Как так? Раньше вы не замечали следов взлома, не замечали пропажи ценностей?

— Раньше я не проверял тайник, где они лежали. А следов взлома в квартире нет...

— Ах, тайник... значит, ценности пропали из тайника! — Лебедкин сделал пометку в блокноте.

Тут дверь кабинета открылась, и на пороге возникла Дуся. В кабинете сразу стало тесно, но при этом в нем стало как-то легче дышать, и зубная боль у Лебедкина прошла, как будто ее выключили.

Капитан перевел дыхание: Дуся на всех действовала отрезвляюще.

— А что по поводу этой кражи говорит ваша жена? — спросила Дуся с порога.

— Жена? — переспросил Херувимский, не оборачиваясь. — Причем тут моя жена? Не нужно ее сюда впутывать!

Лебедкин посмотрел на напарницу удивленно.

Во-первых, как она, едва появившись в кабинете, смогла войти в курс дела? Во-вторых, откуда узнала про жену Херувимского? Сам Лебедкин по внешнему виду посетителя уверился, что тот живет

один. Какая женщина вытерпит такое чучело рядом с собой?

— Так все же, что насчет вашей жены? — повторила Дуся.

Херувимский вспыхнул и обернулся.

Тут он увидел Дусю — и на какое-то время потерял дар речи. Мы уже говорили, так случилось с каждым мужчиной, впервые увидевшим Дусю Самохвалову.

Херувимский побледнел, потом покраснел, потом откашлялся, будто у него перехватило дыхание (очевидно, так оно и было).

— Так что насчет жены? — напомнила Дуся.

— Ни... ничего, — к Херувимскому наконец вернулся дар речи. — Моей жены в момент кражи не было, и сейчас ее нет. Она уехала к своей престарелой тетке...

— К тетке? И куда?

— В деревню. Тетка у нее в деревне, в Подпорожском районе. Тетка — ее последняя родня, жена ее часто навещает...

— А вы ей звонили?

— А там и связи нет.

— Допустим... — протянула Дуся многозначительно и переглянулась с Лебедкиным. — Петр, давайте посмотрим еще раз место преступления.

Лебедкин хотел было наотрез отказаться, но Дуся обладала таким удивительным свойством, что отказать ей было невозможно. Он вздохнул и согласился.

— Да, вот еще тут непонятно, — спохватился капитан, — в деле отсутствует список драгоценностей.

— Какой список?

— Ну, того, что у вас украли... — любезно пояснила Дуся.

— А, это... дело в том, что никакого списка не было. Там, в тайнике, всего одна вещь, но очень ценная. Это медальон, золотой, на крышке мелкими бриллиантами выложено распятие, оплетенное терновыми веточками.

— Да? — Напарники переглянулись.

— Это семейная реликвия, мне досталась от деда, а ему — от его отца! — заявил Херувимский.

— Вы ее оценивали? — осторожно спросил Лебедкин. — Какова цена медальона?

— Он бесценен! Вы обязаны его найти!

— Ладно, вы на машине? — спросила Дуся Херувимского.

— Само собой.

— Тогда вы поезжайте на своей, а мы подъедем следом.

Она уточнила у потерпевшего адрес его квартиры, и, наконец, неприятный посетитель вышел из кабинета.

— Так я вас жду! — с угрозой сказал он на прощание.

— Угу! — Дуся приветливо ему улыбнулась, но Херувимский никак не отреагировал. Ясно, пообвыкся уже.

Оказавшись в кабинете наедине с Дусей, Лебедкин первым делом спросил:

— А как ты поняла, что он женат? Я почему-то подумал, что он один живет... такой, понимаешь...

Капитан замялся в поисках подходящего слова, но Дуся быстро пришла ему на помощь:

— Козел.

— Вот именно.

— Ну, знаешь ведь поговорку — любовь зла, полюбишь и козла... и потом, ты ведь эту жену не видел. Может, на нее никакой другой мужчина не смотрел.

— Так все же, как ты догадалась?

— Ну, знаешь, всякие мелочи... рубашка, например...

— А что рубашка?

— Видно, что женщина гладила.

— А что, мужчина сам рубашку не может выгладить? Вот я, например, сам глажу...

— Оно и видно! — Дуся усмехнулась.

— Да нормально глажу! — Лебедин взглянул на манжету, и тут же подтянул рукав, чтобы ее не было видно.

— И пуговица на воротнике аккуратно пришита, — добавила Дуся. — Тебе в жизни так не пришить. А еще... ты кольцо обручальное не заметил, Шерлок Холмс?

Лебедин покраснел и, чтобы сменить тему разговора, спросил:

— Да, кстати, что там в том магазине, куда ты ездила?

Он вспомнил, что Дуся с утра выезжала на сообщение об ограблении небольшого магазина.

Вместо ответа Дуся покосилась на напарника и сочувственно проговорила:

— Бледный ты какой-то, Петя! Небось, не завтракал?

— Какое там!

— Вот, держи! — Дуся протянула ему пакет с сэндвичами. — Это Софья Павловна просила передать. Специально для тебя навынос заказала. Она тебе точно симпатизирует.

— Да, так что там, в магазине? — спохватился Лебедкин, вонзая зубы в сэндвич с ветчиной и сыром.

— Да ерунда какая-то! — Дуся махнула рукой. — Магазинык этот вообще давно не работает, разорились они. И то сказать: место, конечно, неплохое, напротив метро, но не по дороге. И, опять же, мне тетки из соседних магазинчиков рассказали, что торговал тот магазин уж таким бараклом, что не то что на себя надеть, а в руки взять — и то противно. Они и то удивлялись, что он так долго продержался — почти полтора года. И поговаривали, что хозяйка занималась какими-то криминальными делами, а магазин — только прикрытие.

— И что — правда? — Лебедкин благополучно закончил с ветчиной и сыром и взял следующий сэндвич — с бужениной и маринованными огурчиками.

— Да не думаю! — отмахнулась Дуся. — Скорей всего, просто тетки наговаривают или от скуки сплетничают. Сам посудите: дом большой, весь первый этаж под магазины занят, да еще подвальные помещения задействованы. Арендаторы все друг друга знают и косточки перемывают, как соседи в деревне.

Короче, там уже другой арендатор, который хочет магазин этот в хозяйственный превратить, ну там, товары первой необходимости, это всегда нужно. И он с прежней хозяйкой договорился, что, если она барахло не вывезет, то он все на помойку выбросит. Ну, она кое-что забрала, а потом вообще уехала в другой город и даже по телефону не отвечает. И только было этот новый арендатор собрался все оставшееся выбросить — тут-то к ним и залезли.

— Так ты говоришь — там брать нечего было? — Лебедкин покончил со вторым сэндвичем, подумал немного и протянул руку за третьим. Но застеснялся.

— Точно, нечего, — подтвердила Дуся и придвинула к нему третий сэндвич, с рыбой и салатом. — Там, понимаешь, продавщица, что в том магазине работала, устроилась по соседству в продовольственный. Там, говорит, хоть и сутками работать приходится, зато платят побольше. Так она говорит, уж такое барахло осталось — лифчики хлопчатобумажные, штаны спортивные, платья летние ситцевые. У нас сейчас что?

Лебедкин оторвался от сэндвича и взглянул в окно.

— Черт знает что, — сказал он, увидев, что за окном идет дождь со снегом.

— Правильно, зима! Так кому этот летний ужас зимой понадобился?

— Так что — украли эти лифчики и платья?

— А я тебе о чем говорю!

— Дурдом! — Капитан налил себе водички и скомкал пустые обертки.

— Точно. В общем, пустое дело, претензий никто предъявлять не собирается. Да и некому. И давай уже поедем, а то этот тип такой склочный, как бы жаловаться начальству не стал.

Они подъехали к дому Херувимского и сосредоточились на деле.

В подъезде была похожая на аквариум стеклянная будочка консьержки, но самой ее на месте не было. Лебедкин отметил в памяти, что нужно будет с ней поговорить.

Они поднялись на пятый этаж и позвонили. Херувимский изнутри недоверчиво переспрашивал, кто приехал, наконец, открыл три замка, и напарники вошли в квартиру.

— Замков у вас много, — проговорил Лебедкин со смешанным чувством неодобрительного уважения.

— Вот именно! И хорошие замки! Один вообще швейцарский! Сейфового типа!

— И следов взлома не видно... — добавил капитан, внимательно осмотрев дверь и замки, — ну ладно, показывайте, где этот ваш знаменитый тайник.

Херувимский неодобрительно взглянул на полицейских:

— Тапочки наденьте!

Лебедкин недовольно фыркнул, но подчинился.

Дуся же отказалась:

— На мой размер у вас женских тапок наверняка нет! Я лучше ноги вытру.

И что интересно, Херувимский не стал спорить.

Он прошел по коридору, вошел в жилую комнату и решительно направился к окну.

Радиаторы под окнами были защиты декоративными пластиковыми экранами.

При виде этих экранов Лебедкин неодобрительно поморщился — проку от них никакого, только мешают теплу распространяться по комнате. Тем не менее Херувимский, покосившись на полицейских, снял один из этих экранов.

Под экраном обнаружился допотопный чугунный радиатор в пятнах застарелой ржавчины.

Ага, подумал Лебедкин, теперь понятно, зачем ему экраны... но лучше бы менял батареи... каменный век какой-то. Ну или железный. Зальет соседей...

Однако кроме радиатора за экраном обнаружилось еще кое-что: между радиатором и подоконником тускло чернела дверца встроенного сейфа.

— Вот, значит, мой тайник... — проговорил Херувимский со смешанным выражением затаенной гордости от собственной предусмотрительности и одновременно разочарования — ведь, несмотря ни на что, сейф все же обчистили...

Он заслонил сейф от полицейских, набрал на дверце шифр и открыл ее, продемонстрировав пустую емкость:

— Вот, видите, все подчистую забрали! Там еще денег наличных было немного и двести долларов.

— Видим, — подтвердил Лебедкин, — сейф пуст.

— Ума не приложу, — продолжил Херувимский, снова закрыв сейф, — как они это провернули? Ведь тайник же, и замок кодовый...

— А код-то, небось, год вашего рождения?

— Задом наперед! — выпалил Херувимский и удивленно уставился на капитана. — Откуда вы знаете про год рождения?

— Да у каждого второго такой код, — вздохнул капитан. — А у каждого четвертого — задом наперед...

— Надо же... — протянул Херувимский, — а я думал, что никто не догадается...

Тут подала голос Дуся, которая до сих пор молчала и как будто к чему-то прислушивалась. Или принюхивалась.

— Аркадий Викторович, откройте, пожалуйста, сейф еще раз.

Херувимский послушно набрал код (на этот раз он не стал заслонять дверцу от полицейских) и распахнул дверцу. Дуся подошла к сейфу и заглянула в него.

— Да нет там ничего, я проверял! — вздохнул Херувимский. — И ваши коллеги, которые в первый день приехали, тоже проверяли, и тоже ничего не нашли...

— Так-то оно так, да не совсем... — загадочно проговорила Дуся, выпрямляясь. — Скажите, Аркадий Викторович, а какими духами пользуется ваша жена?

— Что? — переспросил Херувимский удивленно. — Причем тут ее духи? Какое отношение...

— Но все же — какими духами? Или вы не помните?

— Ну отчего же не помню. Помню, конечно. Французские духи, «Шанель номер пять»...

— Ну вот, так я и подумала!

Теперь уже и Лебедкин удивленно взглянул на напарницу. Ну у нее и логика! Какое отношения духи гражданки Херувимской имеют к ограблению?

— Самое прямое! — проговорила Дуся.

Лебедкин поперхнулся: он что же, выходит, вслух произнес последнюю фразу?

— Самое прямое, — повторила Дуся. — В сейфе отчетливо пахнет этими духами. Пятую «Шанель» ни с чем не спутаешь! Так что ваша супруга в сейф точно заглядывала...

— Не может быть! — вспыхнул Херувимский. — Я ей даже код от сейфа не говорил! Да она его и не спрашивала!

— Ну да, и год вашего рождения она не знает! — ехидно проговорил Лебедкин, сделав вид, что понял все одновременно с Дусей.

— И вообще, я же вам говорил, что она уехала в деревню к тетке еще до ограбления...

— Точнее, до того, как вы его обнаружили, — уточнила Дуся. — Напомните, пожалуйста, где живет эта самая тетка?

— В деревне Таракановка Подпорожского района... — уныло проговорил Херувимский.

— И связи там нет? — добавил Лебедкин.

— Нет...

— И надолго она уехала? — поинтересовался Лебедин. — Кстати, давайте-ка запишем ее имя-отчество и все остальное.

— Я не понимаю... — Херувимский повернулся к Дусе, но она отвлеклась от разговора и отошла в сторону.

Ей хотелось осмотреться. Квартира была самая обычная, двухкомнатная. Они, надо думать, находились в гостиной, где стояли довольно старомодная стенка, узенький диван, полированный стол и четыре стула.

Зорким взглядом Дуся отметила, что мебель покрыта тонким слоем пыли — ну да, жена же уже неделю отсутствует.

На свободной стене висела картина — тропический остров. Пальмы, синее море вокруг, песок золотой. И никаких следов людей — ни зонтика пляжного, ни хижины вдали. Пустынный, в общем, безлюдный край. Остров мечты.

Дуся поймала себя на мысли, что она не прочь на таком острове оказаться, учитывая мерзкую погоду за окном и постоянное недовольство начальства.

Впрочем, как уже говорилось, уныние было Дусе Самохваловой несвойственно. И ее здравый смысл всегда был на высоте. Раз нельзя сейчас оказаться у теплого моря — так нечего о нем и мечтать, чтобы зря не расстраиваться.

Рядом с картиной висела фотография супружеской пары. Лето, двое стоят на фоне здания с ко-

лоннами. Отель? Скорее, пансионат или дом отдыха в средней полосе.

Дуся присмотрелась к женщине. На первый взгляд ничего особенного. Ни худая, ни толстая, волосы забраны в гладкую аккуратную прическу — ну лето все-таки, жарко. Подкрашена тщательно, маникюр, само собой, сумка довольно дорогая, и платье красивое — по желтому полю лиловые ирисы разбросаны.

Дуся сама была женщина яркая и не любила темненькое-скромненькое. А тут все-таки лето, люди в отпуске, да не на пляж собрались, а может, вечером в ресторан. Или на экскурсию.

И даже Херувимский выглядит прилично. Не красавец, конечно, но одет аккуратно, выбрит чисто, рубашка летняя новая... да, жена за ним следит.

— Надолго ваша жена уехала? — спросила Дуся.

— Дней... дней на десять... — пробормотал Херувимский.

Лебедкин оторвался от своих записей и понимающе на Дусю посмотрел. Что делать в дальней деревне так долго зимой? Ладно бы еще летом — природа, места, наверно, красивые, да и то городской женщине одной скучно будет. Да еще без телефона. А зимой-то зачем так надолго ехать? Ну провела тетку, гостинцев свезла, денег оставила — да и езжай домой, в цивилизацию.

— И часто она так надолго к тетке уезжает? — гнула свое Дуся.

— Ну... так надолго еще не было, дня на два-три бывало... То есть что вы хотите сказать? — забеспокоился Херувимский.

— То и хотим сказать! — начал прямой Лебедин, но Дуся дернула его за рукав.

— Ну так или иначе, ваша жена последняя видела пропавший медальон. Вы ведь к нам обратились? Значит, мы должны ее допросить. А как это сделать, если вы даже не знаете, когда она вернется? И связаться с ней не можете...

Дуся перевела дыхание и добавила:

— Вот скажите, вещей она много с собой взяла?

— Можно посмотреть... — Все отправились в спальню.

Спальня выглядела бы поопрятней, если бы не валялась рядом с кроватью на стуле старенькая пижама в полоску, увидев которую Лебедин едва сдержал насмешку. Он в толк взять не мог, как это нестарый мужчина может спать в пижаме. Да еще в такой. Впрочем, он тут же сказал себе, что это не его дело.

Дуся раздернула плотные занавески и подошла к встроенному шкафу.

В левой половине аккуратно висели выглаженные мужские рубашки, пара пиджаков, серый костюм в пластиковом пакете — видно, что только из химчистки, ровной стопкой лежали джемпера и свитера разной степени молодости: сверху поновее, снизу — более поношенные, но все чистые, тщательно сложенные. Что и говорить, жена Херувимского была женщиной аккуратной.

В правой половине же было пусто. Обычно бывает наоборот, у женщины всяко одежды больше.

Висели справа парочка явно не новых платьев, синий пиджачок с вытянутыми рукавами, юбка с отпоровшимся подолом...

Дуся мигом сообразила, что все эти вещи висят в шкафу давно и руки у хозяйки не дошли с ними что-то сделать — либо в порядок привести, либо бедным отдать, но перед этим тоже хоть подол у юбки подшить, а то неудобно.

То есть ясно, что хозяйка вещи эти оставила как ненужные, бесполезные. А остальную одежду взяла. И, судя по тому, что не нашла Дуся в шкафу того желтого платья в лиловых ирисах, летнюю одежду хозяйка взяла тоже.

Ага, в зимнюю деревню к тетке... Ну-ну.

Дуся оглянулась на своего напарника, но Лебедин смотрел непонимающе. Ну да, эти мужчины таких мелочей не замечают. Ладно, потом поговорим.

— Не дойдем мы к ночи до того скита! — проговорил старый паломник, остановившись и опершись на суковатый посох. — Придется нам, вьюнош, в лесу заночевать!

— В лесу? — переспросил молодой странник, опасливо оглядевшись по сторонам. Вокруг них был глухой черный ельник, заваленный буреломом, через который с трудом пробивалась узкая извилистая тропа. — Где ж тут ночевать? Тут и укрыться-то негде!

— Господь, вьюнош, нигде нас не оставит. Мы ведь странники, Божьи люди, нам любой кусток — что родной дом...

— А может, и успеем дойти до темноты... — протянул молодой, — коли ты, дядя, не будешь вечно останавливаться...

— У меня, вьюнош, ноги уже старые, я на этих ногах все святые места обошел... и на Светлояр-озере был, и в Печорах, и у Иверской Божьей Матери...

— Обошел, да не дошел... — огрызнулся молодой странник. — А ты не слышишь, дядя, вроде какой-то голос в лесу раздается?

— Какой еще голос? — Старик насторожился, прислушался, перекрестился. — Никак и правда голос... это, вьюнош, не иначе как леший нас заманивает...

И правда, из ельника доносился какой-то жалобный стон.

— Леший? А мне слышится, что человек... надо, дядя, поглядеть — может, живая душа о помощи просит!

— Не ходи, вьюнош, не надо! Точно тебе говорю — леший это! Заманит в лес, и конец тебе! А может, не леший, так тогда рысь... это еще хуже будет...

Молодой паломник, однако, не слушал старого спутника. Он устремился в чащобу, проламываясь сквозь подлесок.

С каждым шагом жалобный голос становился все громче, все отчетливее.

Молодой странник раздвинул низко нависшие ветки — и увидел неестественно зеленую полянку,

посреди которой в темной промоине бился человек. Странник понял, что перед ним чаруса — небольшая, но глубокая и коварная болотина, затаившаяся посреди леса и подкарауливающая путников. И какой-то несчастный человек забрел в эту болотину и сейчас безуспешно пытается выбраться из нее...

Заметив молодого странника, утопающий забился с новой силой и выкрикнул:

— Помоги, добрый человек! Христом Богом тебя умоляю, вытащи меня из этой трясины!

Странник не спешил ответить, и утопающий взмолился с новой силой:

— Добрый человек, не дай пропасть! Скажи, как тебя звать?

— Григорий.

— Гриша, до самой своей смерти буду за тебя Бога молить! Кинь мне лесину или руку подай!

Григорий опасливо огляделся по сторонам.

Поблизости не было видно подходящей лесины или упавшего дерева, которое можно было бросить поперек чарусы. Если самому подползти к утопающему... не дай бог, сам и угодишь в трясины.

— Спасай, добрый человек! — снова взмолился незнакомец, заметив его колебания. — Спасай, ради Христа! Коли спасешь меня, я тебе дорогую ладанку отдам...

— Какую ладанку?

— Дорогую, а главное — чудотворную, заговоренную. В ней святые мощи лежат, большой силы. У кого эта ладанка — того все слушать будут и почитать, как святого. А еще она от любой напасти

защитит! Никто тебя погубить не сможет... ни ядом отравить, ни ножом зарезать, ни пулей застрелить!

— Что ж тебя-то эта ладанка от трясины не защитила?

— Видать, такая уж моя судьба! Возьми ее, добрый человек, только вытащи меня!

С этими словами утопающий с трудом высвободил левую руку из трясины, стянул с шеи серебряную цепочку с медальоном и показал Григорию.

Тот решился, сломал несколько веток покрепче, бросил их на поверхность чарусы и пополз к утопающему.

Тот оживился, почувствовав приближение подмоги, забился с новой силой, но от этого трясина еще быстрее стала засасывать его. Теперь над трясиной виднелась только косматая голова и вытянутая вперед рука с медальоном.

— Поспеши, добрый человек! — проговорил он задыхающимся голосом. — Пропадаю...

— Сейчас... еще немного... — Григорий полз по тряской, колеблющейся поверхности болотины. До утопающего оставалось совсем немного. Григорий протянул руку...

Но вместо того чтобы подать руку несчастному, он схватил медальон. Это была круглая ладанка, на которой было мелкими самоцветными камнями выложено распятие. Схватил и торопливо спрятал в свой карман.

После этого он снова протянул руку...

Но было уже поздно.

Чаруса утянула несчастного в глубину, над поверхностью мелькнул широко открытый в безмолвном крике рот — и тут же трясина сомкнулась над ним, надулся и лопнул пузырь болотного газа, и промочину затянуло зеленой ряской.

— Господи, помилуй... — пролепетал Григорий, глядя на то место, где только что был живой человек. — Господи, помилуй...

И он торопливо пополз назад, чтобы не разделить ужасную судьбу незнакомца.

Выбравшись из болота, Григорий отправился в обратный путь, к своему спутнику. Он искал свои следы, сломанные ветки и примятый мох, но то ли где-то ошибся, то ли перепутал приметы, но только шел и шел через тайгу, а все не выходил на знакомое место.

Он начал кричать, но сперва не услышал никакого ответа, а потом ему ответила какая-то лесная птица.

Начало темнеть.

Григорий подумал уже, что заблудился и ему придется заночевать в лесу, да еще и в одиночестве.

Тут — то ли от страха, то ли от безысходности — он сжал в кулаке медальон.

И тут же услышал вдалеке человеческий голос. Даже не голос — а несколько голосов.

Он пошел на эти голоса и очень скоро вышел на поляну, посреди которой стояла приземистая изба.

Это и был тот скит, куда шли они со старым спутником.

На пороге скита стоял седобородый отшельник, обитатель скита, а рядом с ним — старик, спутник Григория. Они вглядывались в чащу и попеременно выкрикивали имя молодого странника.

— Вот он я! — проговорил Григорий, выходя на поляну.

— Слава Богу! — проговорил его спутник. — А я уж думал, леший тебя увел в чащобу! А скит-то близко оказался...

Он пригляделся к Григорию и спросил:

— Так нашел ты того, кто в лесу голосил?

— Нашел, отче. Да это рысь оказалась, как ты и говорил.

Седобородый отшельник, давно в одиночестве живший в скиту, повернулся к Григорию и уставился на него незрячими глазами, затянутыми белесой пленкой.

— Как тебя звать-то, вьюнош? — спросил он сухим каркающим голосом.

— Григорием.

— Чувствую в тебе большую силу, Григорий! Далеко пойдешь, большие дела делать будешь...

Он вдруг замолчал на полуслове, шагнул к Григорию и прикоснулся рукой к его лицу.

— Далеко пойдешь, Григорий, с большими людьми спознаешься... с самыми большими... с самим Государем запросто говорить будешь... но конец твой будет страшным... кровь вижу... кровь на снегу... много крови... еще полынью вижу... прорубь во льду...

— *Это ничего, что страшный конец!* — неуверенно проговорил Григорий. — *Главное, что посередке! Далеко, говоришь, пойду? Ну так и хорошо! Хоть час, да наш!*

Лебедкин и Дуся вернулись в родное отделение, и первым, кого они встретили в коридоре, был Коля Еропкин, который уныло топтался у кофейного автомата.

Автомат, как всегда, не работал.

— Ну и подсиропил ты нам дело! — возмущенно проговорил Лебедкин. — Теперь придется на край света тащиться, в Подпорожский район... представляю, какой это медвежий угол!

— И ничего не медвежий! — обиженно отозвался Еропкин. — Очень красивые места! И рыбалка там отличная! А уж сколько грибов и ягод, я и не говорю!

— Может, летом и красивые, а сейчас я себе представляю... здесь-то, и то в окно выглянуть противно...

— И я, между прочим, оттуда родом! — продолжал обижаться Еропкин. — Малая родина... И каждое, между прочим, лето хоть на недельку, а съезжу туда, к истокам припасть...

— Ну извини, я ничего такого не хотел сказать... просто сейчас ехать туда неохота...

— А какое конкретно место тебе понадобилось?

— Деревня Таракановка, — поморщился Лебедкин. — Одно название чего стоит...

— Таракановка? — переспросил Еропкин. — А ты, Петя, ничего не перепутал?

— С какой стати?

— А с такой, что Таракановки уже пять лет как нет.

— Что значит — нет?

— То и значит. Нет больше такой деревни. Была, да сплыла. Пять лет назад ее из списка населенных пунктов исключили и электричество отрезали.

— Ты уверен?

— Конечно! У меня бабушка неподалеку живет, в деревне Малые Зяблики. Говорю же, каждое лето ее навещаю. Бабка упрямая, уж мать хотела ее в город переселить, она — ни в какую! Тут, говорит, и помру, где родилась и всю жизнь прожила. Да только она еще всех нас переживет — дай бог здоровья ей! У них в Зябликах тоже всего полторы старухи осталось, но все же, пока есть живые люди, деревня в списке значится, и автолавка по пятницам приезжает, и электричество есть, и даже рейсовый автобус раз в день останавливается. А в Таракановке пять лет как никто не живет... стоят еще какие-то дома заколоченные, без окон, да и те скоро развалятся или сгорят...

— А может, есть еще одна деревня с таким названием? — осведомилась Дуся, которая до того сбегала к Софье Павловне, но ту вызвал к себе начальник, так что разговора не получилось.

— В Подпорожском районе? — переспросил Еропкин. — Я там все деревни знаю. Второй Таракановки нет. Вот Зяблики... Есть Малые Зяблики,

есть Большие, а еще есть Верхние Зяблики. А Таракановка всего одна, можете не сомневаться.

Дуся не сомневалась в свидетельстве Еропкина, но все же на всякий случай открыла в компьютере список населенных пунктов Подпорожского района.

И убедилась, что деревни с гордым названием Таракановка среди них нет. Пять лет назад была, а сейчас нет.

— Вот так вот, — сказала она напарнику, — наврала все женушка этому Херувимскому. Я сразу поняла, что ни в какую деревню она не уехала, когда увидела, что почти всю одежду она с собой взяла. Больше тебе скажу — точно она возвращаться не собиралась.

— Да ясен пень! — энергично закивал Лебедкин. — Решила, значит, отвалить куда-то, и единственную ценную вещь с собой прихватила. Потому что если честно, то больше у него и брать-то нечего. Как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок!

И вот что теперь делать? В розыск ее объявлять? Так прежде нужно от этого придурочного Херувимского заявление получить, что жена его обокрала!

— А когда найдем ее, она скажет, что он ей сам эту штуку дал! На годовщину свадьбы подарил! Или просто взяла, подружкам показать! И вообще, муж да жена — одна сатана, так что где тут кража-то? Да нас, Петя, на смех поднимут!

— Да знаю я! — В отличие от Дуси Лебедкин быстро впадал в уныние и потом долго в нем находился. — Но все-таки что-то делать нужно, потому что

этот Херувимский такой склочный тип, будет всюду жалобы строчить, работать не даст.

Порешили поискать сбежавшую жену неофициально, точнее, поискать ее машину. А когда найдут, то поговорить с ней приватно и убедить, чтобы сама со своим муженьком разобралась. Пускай ему драгоценность отдаст, а там гуляет на все четыре стороны.

Обратились к Коле Еропкину, он все всегда про всех знал и имел кучу знакомых везде.

Еропкин был, по словам Дуси, мужчиной обстрелянным, то есть ничего не стал бы делать только за ее улыбку, так что его вызвали в их крошечный кабинет и напоили кофе из Дусиных личных запасов, да еще и выдали полпакета сдобного печенья из близлежащей пекарни. Владелец пекарни к Дусе, по его собственному выражению, неровно дышал и все уговаривал ее сняться для рекламы булочек с корицей.

Сытый Еропкин не подвел, и уже через два часа Лебедкину позвонили и сообщили, что синяя «Шкода» за номером таким-то, принадлежащая Херувимской Екатерине Владимировне, найдена на стоянке, что на улице генерала Карбышева. Камер там рядом нет, но предварительно известно, что стоит машина примерно неделю. Если надо, можно машинку осторожненько вскрыть и посмотреть.

— Поеду! — решил Лебедкин. — На месте посмотрю, а там уж будем думать...

Максим Максимович смел снег со ступенек, поднялся на крыльцо, вставил ключ в замочную

скважину. Обычно после большого перерыва ключ поворачивался с трудом, приходилось приподнимать дверь, но на этот раз замок открылся на удивление легко. Как будто его закрыли только вчера, а не три месяца назад.

В доме было еще холоднее, чем на улице. Пока протопишь печку, пока дом хоть немного прогреется... хорошо, что жена не поленилась, приготовила термос с кофе.

Не хотел он ехать на дачу — что там зимой делать, — но жена настояла. Хотела проверить, как там да что... ну, с ней спорить — себе дороже. Опять же, им, как пенсионерам, проезд бесплатный...

Нинель Ивановна вошла в комнату, поставила на пол сумку с продуктами, повернулась к холодильнику...

— Максим! — проговорила строгим деревянным голосом. — Я тебе сколько раз говорила — холодильник нельзя оставлять закрытым! Там, небось, плесень развелась! Теперь мне полдня его отмывать придется... на холоде-то...

— Нинуля, — плаксивым голосом возразил Максим Максимович. — Что ты такое говоришь? Само собой, открыл я этот клятый холодильник! Что же я, не понимаю?

— Открыл, да? А это что? У меня что — глаз нет? Я что — не вижу, когда он закрытый?

— Ну, Нинуля, наверное, он как-нибудь сам хлопнулся! От сквозняка или еще отчего...

— Отчего, интересно? Или я тебе не говорила, что нужно стул приставлять? Приставил бы стул,

так никакой сквозняк... а так мне отмывать его придется!

С этими словами Нинель Ивановна открыла дверцу холодильника, на всякий случай задержав дыхание...

И тут же, не издав ни звука, сползла на пол.

— Нинуля, ты что? Тебе плохо? — Максим Максимович кинулся к жене, похлопал ее по щекам. Когда это не помогло, вытащил из сумки бутылку минеральной воды, откупорил, плеснул на лицо жены, приговаривая:

— Нинуля, да что же с тобой... как же я теперь... сюда, небось, и «Скорую» не вызовешь...

Нинель Ивановна хрипло выдохнула, села, вытаращив глаза, уставилась на мужа безумным взглядом и воскликнула:

— Кто эта женщина?

— Что? — пролепетал Максим Максимович удивленно. — Что с тобой? Ты бредишь, Нинуля? — Он проверил рукой лоб жены — нет ли у нее жара. Жара не было.

— И нечего на меня переводить стрелки! — сквозь зубы процедила Нинель Ивановна. — Еще раз спрашиваю — кто эта женщина? И не пытайся меня обмануть!

— Да о ком ты говоришь?

Максим Максимович проследил за взглядом жены, повернулся к открытому холодильнику...

Первым делом ему бросились в глаза лиловые ирисы на желтом фоне. Совершенно неуместные на промерзшей зимней даче.

И только потом он увидел лицо с широко открытыми глазами.

Лицо молодой женщины.

Впрочем, с некоторых пор Максиму Максимовичу казались молодыми все женщины до пятидесяти лет.

На улице Карбышева на стоянке машин было совсем немного — время рабочее, все по делам разъехались, а здесь обычно люди только вечером паркуются.

— Привет! — услышал Лебедкин из ближайшей машины. — Заждались уж тебя.

Из будки показался сторож — немолодой мужичок с кривыми ногами, в старой меховой ушанке, причем одно ухо торчало вверх, как у старого барбоса.

— Чего такое? — недовольно заверещал он. — Машина в угоне, что ли? У меня все дела в порядке.

— Тихо, дед, не паникуй раньше времени! — повернулся к нему Лебедкин. — Ты лучше честно скажи, что про эту машину знаешь? Видел ее раньше?

— Первый раз она сюда встала.

— Кто она?

— Да баба эта, хозяйка!

— Давай по порядку.

— Да что там... ну, дней пять назад... у меня точно там все конкретно записано, — мужичок махнул рукой в сторону будки, — подъезжает «Шкода» эта, она, то есть хозяйка, спрашивает, можно на временную стоянку? Ну, раз места есть, я и разрешил.

Мне-то какая разница? Заплатила она за неделю — и отчалила.

— Как отчалила? На какой машине?

— Пешком. А куда пошла — я без понятия.

— А с ней в машине никого не было?

— Не-а, сама за рулем, в машине никого.

— А вещи у нее какие были?

— Да никаких. Сумка дамская, как у всех. —
Сторож неопределенно пожал плечами.

— Ладненько. Слушай, ты иди к себе, а мы тут ак-
куратненько машинку вскрыем, осмотрим и уйдем.

— А ежели у ней чего-нито пропадет, а мне от-
вечать? — нахмурился сторож.

Лебедкин подумал, что ничего ценного хозяй-
ка в машине наверняка не оставила, судя по всему,
просто ее бросила и уж всяко в ближайшее время за
ней не вернется.

Но настырный сторож не отставал.

— Ладно, смотри тут сам.

— Да я и машинку вскрыю быстрее вас!

И правда, сторож отключил сигнализацию ми-
гом и открыл дверцу бесшумно.

— Ты, дед, в молодости угонщиком, что ли,
был? — восхитился один из парней из ГИБДД.

— А вот это не твое собачье дело! — всерьез оби-
делся сторож. — Кем я был и что делал, тебя не ка-
сается!

— Ну ладно, мы тогда уж поедем, вот как раз на
аварию вызывают, дед сам машину закрое!

— Уж как-нибудь, — буркнул сторож, — руки у
меня из нужного места растут...

Как только Лебедкин заглянул в салон машины, он сразу понял, что ничего путного он тут не найдет. Салон был абсолютно пуст, стерильно чист и пах хвойным освежителем воздуха.

Да, правильно отметила Дуся еще в квартире — жена Херувимского была женщиной аккуратной.

Лебедкин на всякий случай посмотрел в бардачке — пара квитанций, которые ничего ему не дадут, он и так знает, чья это машина. На полу не было ничего — ни фантиков от конфет, ни крошек от булочек. Впрочем, кто бы сомневался.

Открыли багажник, там тоже было пусто и относительно чисто. Лежала только запаска.

— Погоди-ка... — Сторож отстранил капитана и влез в салон по пояс. Порылся в глубине и нашел навигатор, который завалился за переднее сиденье.

— Ну, дед! — Лебедкин только головой покачал.

Навигатор показал, что последний раз машина ездил по городу семь дней назад, как раз в тот день, когда жена Херувимского якобы уехала в деревню к тетке.

Выехала она рано утром из дома, потом заехала на Петроградскую сторону, угол Малого проспекта и Бармалеевой улицы, постояла там недолго, а потом поехала сюда, на улицу Карбышева, никуда больше не выезжая.

И пока капитан раздумывал, не смотаться ли прямо сейчас на Петроградскую сторону и сколько времени он потеряет, учитывая жуткие пробки, позвонил дежурный Коля Еропкин и велел ему срочно ехать в отделение, потому что неподалеку, в дач-

ном поселке в черте города, нашли труп женщины. Первичный осмотр провели ребята, что выехали по сигналу, а начальство распорядилось, чтобы дело это отдали Лебедину и Дусе.

И сказал он это таким ехидным голосом, что капитан понял: и тут Еропкин интригует, нарочно ему подгадил. Вот за что, интересно знать? А они его еще кофием поили...

В их крошечном общем кабинетике Дуся разговаривала с кем-то по телефону.

— Да-да. Поняла. Не забуду. Все, что смогу, — сделаю. Ага, будем на связи!

— Уф! — Она положила трубку и обмахнулась газетой. — Вот еще забота. Как будто без того мало. Помнишь, в тот магазинчик, что в доме напротив метро был, залезли?

— Ну да, барахло какое-то унесли.

— Ага, еще арендаторы сплетничали, что хозяйка магазином прикрывается, а сама в каком-то криминале замешана. Так вот, нет дыма без огня, правы они оказались! Звонил мне сейчас один товарищ из Таганрога, так вот она, Лопарева эта, хозяйка магазина, проходит у них там по делу о наркотиках. Ищут они ее давно и не могут найти, ушлая такая баба, шустрая. Можешь себе представить, даже ни одной фотографии ее красивой нет! Так вот, он очень просил поискать что-нибудь про нее, может, кто какие контакты ее знает. Телефон, ясное дело, она отключила. А у тебя как дела? А хотя потом, все потом, сейчас

нам к Данилычу нужно насчет тупа, найденного в холодильнике!

— В холодильнике? Обалдеть! — восхитился Лебедкин. — Неужели он уже его обследовал? А хотя... если ты с ним договаривалась...

Как уже говорилось, если Дусе было что-то нужно, редко какой мужчина способен был ей отказать. И эксперт Данилов, которого все звали Данилычем, не был исключением.

Напарники спустились вниз и вошли в лабораторию.

Как в любом морге, здесь было очень холодно.

Эксперт Данилов стоял посреди своих владений в белом (не очень свежем) халате и в галстук-бабочке. Такой галстук он увидел у эксперта в каком-то американском сериале и решил, что ему он тоже необходим. К сожалению, галстук Данилова всегда был чем-то заляпан, вот и сейчас на нем были красные пятна.

Дуся предпочитала считать, что это не кровь, а кетчуп.

Кроме всего прочего, в помещении играла громкая классическая музыка. Это были «Времена года» Вивальди. Разумеется, в соответствии с сезоном, «Зима».

— Ну вот она, наша Снежная королева! — Данилов эффектным жестом отбросил простыню, предъявив напарникам располозованное и заново сшитое тело.

— Почему Снежная королева? — переспросил недогадливый Лебедкин, наморщив лоб.

— Ну как же... ее же в холодильнике нашли... — Эксперт смутился. Ему всегда становилось неловко, если его грубоватые шутки не сразу доходили до адресата.

Данилыч был лысоватый такой, немолодой уже дядька, но бодрый и обладающий специфическим чувством юмора. Впрочем, при его работе без этого нельзя.

— Ну и что ты про нее можешь сказать? Причина смерти, ориентировочное время? — Лебедкин опомнился и спросил это как можно тверже.

— Причина смерти ясная. Задушена, скорее всего платком. Знаешь, в Индии такая секта была — туги-душители. Они подкарауливали одиноких путников и душили специальными шелковыми платками, приносили их в жертву своей богине...

— Все-то ты знаешь! — процедил Лебедкин, отступая от стола. — И главное, все такое оптимистичное и жизнеутверждающее! И без того настроение не очень...

— Извини — работа такая!

— А что насчет времени смерти?

— Вот с этим сложнее. Поскольку она находилась на морозе, время смерти можно установить только с точностью до времени года. Плюс-минус два-три месяца. Понятно, что убили ее не раньше, чем установились холода. А уж точнее, извини, никак!

— И как ты прикажешь установить ее личность? — уныло протянул Лебедкин.

— А вот это уже ваша работа!

— А что при ней было из вещей? — подала голос Дуся, которая до этого рассматривала лицо женщины. Точнее, женщиной то, что лежало на столе, называть не хотелось. Если честно, то и смотреть на тело не хотелось, но Дуся была все же профессионалом, так что взяла себя в руки и смотрела внимательно.

Женщина была довольно молода, до сорока, это точно, а может быть, лет тридцати пяти. И похоже, что при жизни была довольно интересной. Волосы когда-то были хорошие, густые, пепельного оттенка. Глаза... ну, глаза так выпучены, что и не разглядеть.

— Ну да. — Данилов подошел ближе. — Молодая и прежде была ухоженная, за собой следила. Ну, там процедуры разные для кожи. Мышцы, опять же, не дряблые, развитые, стало быть, фитнесом занималась или другим каким-то полезным спортом. Не бедная, в общем, женщина, не бомжиха какая-нибудь.

— Так что там с одеждой? — повторила Дуся.

— А вот с этим совсем плохо. Из вещей при ней было только то, что на ней... то есть только это.

С этими словами эксперт протянул Дусе пластиковый пакет, сквозь который просвечивало лиловое и желтое.

— Ну-ка, ну-ка... — проговорила Дуся и вытряхнула содержимое пакета на стол.

Перед ней было платье — лиловые ирисы на желтом фоне.

— Не по сезону платьице! — протянул Лебедин.

— Петя! — окликнула его напарница. — Это же оно! То самое платье! Ты не узнаешь?

Лебедкин еще раз взглянул на платье, потом повернулся к Дусе:

— Да нет вроде...

— Я хочу сказать, что мы установили ее личность! Это то самое желтое платье, в котором была на фотографии жена Херувимского! Желтое платье в лиловых ирисах!

На лице Лебедкина ничего не отразилось.

Ну да, эти мужчины никогда не замечают мелочей. И даже Петька, хороший оперативник, а вот поди ж ты! Фотографию, может, он и заметил, но платье точно не запомнил. Да что там, среднестатистического мужчину утром спросишь, в каком платье его жена вчера с ним в ресторане была, — он и то не вспомнит.

Данилов фыркнул.

— Ты уверена, что платье то самое? — спросил Лебедкин.

— Очень похоже. Что еще на ней было?

— Да ничего не было. — Данилов пожал плечами. — Одно только платье на голое тело — ни белья, ни колготок, ни обуви...

— Странно... — пробормотал Лебедкин, — значит, задушена, одевал явно убийца — не сама же она платье на голое тело нацепила...

Дуся с Даниловым понимающе переглянулись. Всем было известно, что капитан Лебедкин буквально бредит специфическими преступлениями. Везде ему мерещатся маньяки, да не простые, а серийные.

Начальство за это капитана сильно не любило, хотя была в прошлом у него пара-тройка блестяще раскрытых дел. Но на эти дела приходилось втрое больше промахов и ошибок, а ведь всем известно, что, если дело резонансное раскрыто — то начальство пожинает его плоды, а вот если случилась ошибка или висяк — то виноват всегда стрелочник, то есть капитан Лебедкин.

Тут, как ни странно, Дуся с начальством была не то чтобы согласна, но в какой-то мере признавала его правоту. Уж больно противным становился Петька, когда его одолевала очередная идея насчет маньяка. Дуся же здраво считала, что нужно расследовать конкретное преступление, то есть выполнять свою непосредственную работу, а не углубляться в серийные дебри.

Пока собирались звонить Херувимскому, он позвонил сам и грозно осведомился, как там обстоит его дело.

— Вот как раз есть подвижки! — ляпнул рассердившийся Лебедкин. — Жену вашу нашли, приходите на опознание.

— Ты с ума сошел! — Дуся вырвала у него трубку и заворковала. — Аркадий Викторович? Капитан Самохвалова вас беспокоит... Да-да, мы с напарником у вас были недавно... Значит, тут вот какое дело... жена ваша ни в какую деревню не поехала, там и деревни такой нет, и тетки у нее, я так понимаю, тоже нет... Вы слушайте, не перебивайте! По телефону подробности я говорить не буду, а вот вы лучше приходите завтра на опознание... Да, моло-

дая женщина примерно возраста вашей жены... ей сколько? Тридцать шесть... ну да, подходит. Не верите? Ну, все бывает, так что вы лучше приходите и сами убедитесь... ага, буду вас ждать. Непременно. Договорились.

— Вот так-то. — Она укоризненно взглянула на Лебедкина. — А ты сразу орать. Так можно человека до инфаркта довести!

— Да ничего ему не сделается! Спорим, он больше расстроится, что его ценная вещь пропала, чем что жену убили...

Херувимский вошел в прозекторскую, зябко пожегся, неуверенно, опасливо огляделся.

Данилыч привычным жестом поправил бабочку, подошел к накрытому простыней телу.

Херувимский прижал руку к груди, уставился на труп под простыней, потом быстро взглянул на полицейских:

— Это... это она?

— А вот вы нам это сейчас и скажете! — И Данилов жестом циркового фокусника откинул простыню.

Херувимский испуганно попятился, посмотрел на мертвую женщину, затем перевел взгляд на Данилова, а потом — на Дусю и Лебедкина, словно ждал от них каких-нибудь пояснений.

Данилыч прокашлялся:

— Ну что?

— А кто это? — Вопросом на вопрос ответил Херувимский.